

$\mathcal{M}_C$

Ирина Степановская

джентльменов
нет

роман

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Ранее роман издавался под названием
«Джентльменов нет — и привет Джону Фаулзу»

Степановская, Ирина.

С79 Джентльменов нет : роман / Ирина Степановская. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-098629-3

Джон Фаулз, большой любитель психологических загадок, написал роман, одним из важных вопросов которого является сочетание счастья и свободы.

Герои романа Ирины Степановской тоже оказываются перед этой проблемой. Следует ли женщине останавливаться на той роли, которую предлагает ей общество? Должен ли мужчина непременно быть мужественным, чтобы являться источником счастья для своей подруги? Три женщины — бывшая домохозяйка, учительница и журналистка — должны сделать свой выбор.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степановская И., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098629-3

Всем бы хотелось, чтобы я сидела дома, пекла оладьи и подавала чай...

*Хилари Клинтон, сенатор,
жена экс-президента США
Билла Клинтона*

Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи Просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех дикарей и у всех племен, стоявших на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользовалась свободой, но и занимала весьма почетное положение.

*Фридрих Энгельс.
Происхождение семьи,
частной собственности и государства*

Глава 1

Осенней ночью, с любопытством заглядывающей в окна тех московских квартир, обитатели которых не имеют привычки спать даже в поздний час, молодая женщина увлеченно работала, сидя за компьютером. Кому известно, как выглядят съемные квартиры в панельных домах бывших рабочих окраин, тому не надо описывать их убранство. Те же, кто не знает этого, могут представить, что в таких квартирах не бывает удобной и нескрипучей мебели, китайских ваз по углам, дорогих картин на стенах и персидских ковров на полу. Если и присутствует затертый пейзажик в грошовой рамке

где-нибудь в коридоре, то, как правило, с целью утилитарной — закрывает собой дырку в старых обоях. Зато о вкусе и занятиях временных хозяев этих жилищ могут свидетельствовать другие детали. В нашем случае не следует думать о пыльных бутылках по углам комнаты, о разобранном пулемете в шкафчике под окном кухни или, на худой конец, о трупе, замурованном в стене туалета. Нет, в описываемом нами помещении наблюдались лишь мирные предметы обихода. Детские игрушки — машинки без колес, паровозик со сломанными рельсами, стрелы без лука и колчан для них — были разбросаны на полу и полках старой стенки. Кудрявый рыжий женский парик с длинными волосами валялся в единственном в комнате вытертом низком кресле. Глянцевые журналы с помеченными цветным фломастером страницами грудой были навалены в углу. Полноправными хозяевами на полках были книги — издания большей частью совершенно потрепанные, на первый взгляд несочетаемых авторов — разных эпох и разных стран — Фридрих Энгельс соседствовал с Сэлинджером и Максом Фришом, рядом стоял Джон Фаулз.

Современный компьютер, по-деловому расположившийся на порядком облезлом письменном столе, совершенно не вписывался в этот интерьер, зато, по-видимому, был вещью, необходимой хозяйке. Судя по тому, с какой быстротой ее пальцы сновали по клавиатуре, женщина занималась интересным и важным делом.

Заклучив в кавычки последнее в строке слово, молодая женщина откинулась на спинку кресла и

перечитала написанное. После чего отодвинулась от монитора и потерла ладонью лоб.

«Лиза, давно пора тебе спать!» — сказала она самой себе, потянулась и выключила компьютер. За окном чернела московская ночь — окна в доме напротив уже давно были темны. Стараясь не шуметь, Лиза прошла в соседнюю комнату, не включая света, склонилась над разобранным диваном, на котором спал ребенок — мальчик лет четырех. С улицы в окно попадал неясный свет фонаря. Ветер срывал с деревьев желтые листья, и дождь настойчиво барабанил в стекло. Тем не менее в комнате было тепло и довольно просторно. Ребенок на диване сбросил с себя одеяло. Одна из штанин его пижамы задралась до колена, обнажив пухлую голень. Женщина поправила пижаму, укрыла сына одеялом. Мальчик не проснулся, но, почувствовав привычную заботу матери, перевернулся на бок и уютно засопел.

«Не хочу ни мыться, ни мазать кремом лицо, ни расчесываться! — подумала Лиза. — Только спать. Спа-а-ать! Спа-а-ать!» С этой блаженной мыслью она осторожно легла к ребенку под одеяло, обняла его по-щенячьи круглый живот и с наслаждением затихла.

И было еще несколько квартир в огромном ночном городе, жизнь в которых, так или иначе, переплеталась с жизнью хозяйки только что описанной квартиры.

В одном хрущевском доме на первом этаже в маленькой спальне малогабаритной двушки как

раз в это же самое время вела серьезный разговор со старшей дочерью другая женщина, пышноволосяя и пышнотелая, похожая на светлый цветок лугов и полей — анемон, имеющий латинское название «пульсатилла пратензис». Пушистый, с нежными лепестками, но стойко переносящий и жару, и холод, имеет этот цветок крепкий корень, прочно сидящий в земле. Как женщина, поплачет он на заре каплями чистой росы, умоется холодным дождем, поклонится ветру — и встает, опять полный жизни под первыми же лучами выглянувшего солнышка. И под северной скудной его лаской тут же распустит свои лепестки, засияет чистым голубеньким цветом. С одного, состоявшегося тысячу лет назад урока ботаники несла по жизни давно уже взрослая Татьяна, мать двух дочерей, свое забавное и давно ей привычное прозвище — Пульсатилла.

И была в этом городе еще одна квартира — новая, просторная, прохладная, как все недавно заселенные квартиры. И в ней тоже не спала в этот поздний час еще одна героиня из описываемой нами истории — Нина Воронина. Она трудилась над сложными математическими подсчетами, необходимыми для завтрашней работы небольшому коллективу сотрудников коммерческой аналитической фирмы. Спать Нина совершенно не хотела. Может быть, сыграл свою роль крепкий кофе, которого она выпила целый кофейник, а скорее всего — интерес к необычному решению сложной проблемы. Закончив работу, Нина не стала торопиться укладываться в постель. Некоторое

время она еще постояла у незашторенного окна, посмотрела на видимый как на ладони с ее двадцать седьмого этажа ночной город, полюбовалась на намеченный огнями изгиб черной реки. Потом она вымыла посуду (чашка, ложка и маленькая тарелка из-под творожной массы), наполнила ванну, насыпала в нее ароматической соли и погрузилась в воду. Никакой бессонницы у Нины не было: чуть позже, как только улеглась в кровать, она тут же уснула, как засыпают усталые, но здоровые люди. Если и беспокоила ее одна мыслишка, то была она вполне привычной и весьма распространенной среди женщин возрастом около сорока лет. Мысль эта была столь же навязчивой, сколь и невыполнимой. По ночам она появлялась с регулярностью маниакальной, а озвученная, казалась скучной и даже банальной в своей простоте. Не думайте, читатель, что мысль эта была о любви! В общем, без дальнейших отступлений она звучала так: «С завтрашнего дня нужно обязательно сесть на диету!»

Как по команде, ранним утром, практически в одно и то же время, во всех трех квартирах зазвучали телефонные звонки. Нине Ворониной позвонил ее бывший муж Кирилл.

— Не разбудил? — поинтересовался он.

— Не разбудил. Подожди, подойду сейчас к другому телефону. — Нине ужасно не хотелось отрываться от завтрака, поэтому она взяла переносную трубку и вернулась за стол. Удерживая трубку плечом, женщина с удовольствием намазывала на

поджаренный хлеб масло и яблочное повидло. — Какие-то проблемы?

— Проблем особенных нет, но хотелось бы по-видаться... Ты не занята сегодня вечером? — Голос у Кирилла был достаточно спокойный, но, когда мужчина задавал последний вопрос, Нина уловила сдержанную тревогу и одновременно насмешку. Кирилл прекрасно знал, что с тех пор, как они расстались, Нина вела практически монашеский образ жизни и длительного романа так и не завела.

Нине вдруг понравилось работать. Разыскав бывшего сокурсника по университету, Артурчика, теперь уже Артура Сергеевича, руководителя частной аналитической фирмы, она пошла к нему работать. Не зря она изучала математику! Помимо высокой зарплаты и уважения, Нине в работе нравился сам процесс вычислений. После долгого интеллектуального безделья, связанного с замужеством, но, впрочем, выбранного ею по собственной воле, она вернулась к тому, о чем мечтала в юности, для чего поступала в университет и к чему была склонна по самой своей природе. Нине повезло: Артур принял ее как старого друга. Доверяя ей еще с институтских времен, он ценил в ней преданного и делового сотрудника, стремился повысить ее в должности и увеличить зарплату. Да и было за что ценить Нину. По натуре аккуратная и ответственная, она искренне увлеклась работой, к тому же у нее теперь не имелось отвлекающих факторов — ни детей, ни мужа, — и поэтому Нина полностью принадлежала фирме и самой себе.

Бывший муж Кирилл, переживший после раз-

вода с Ниной уход новой молодой жены и еще несколько любовных эскапад, в конце концов тоже остался один и счел это за лучшее. Правда, вначале он ревниво боялся, что Нина снова выскочит замуж, однако, видя, что за три с лишним года, прошедших со времени их развода, никаких кардинальных перемен в ее жизни не наступило, совершенно на этот счет успокоился и решил, что он по-прежнему хозяин положения. Поэтому время от времени он стал звонить Нине с предложениями провести время вместе. Она не отказывалась, но и на сближение не шла. Кирилл, все-таки испытывающий некоторое неудобство от необычного для него холостяцкого положения, когда бывал у Нины, не мог понять, тянет его опять к ней или не тянет — такой серьезной, такой самостоятельной и совершенно незнакомой казалась она ему теперь. Завоевать ее снова? Но к чему это приведет? Может быть, опять к тому же самому, что уже было в их жизни... Нина же оставалась спокойна и свободна. Однажды приняв решение никогда и ни под каким видом не входить дважды в одну реку, то есть не возвращаться к прошлому, она относилась к Кириллу по-дружески, а еще вернее — по-родственному, но не более того. Впрочем, довольно часто он раздражал ее, как раздражал бы какой-нибудь троюродный брат-неудачник, с которым у нее не было ни общих интересов, ни сходных черт характера. Кирилл же, чтобы казаться независимым, взял за правило разговаривать с Ниной вежливо, но все-таки по-прежнему немного свысока. По этой же причине он хвастался ей успехами

на новой работе. Бывшая жена особенно не верила ему, но и не осаживала всерьез.

«Если у него и вправду все прекрасно, как он говорит, то он не стал бы искать со мной встреч с такой регулярностью», — думала она, но в принципе не имела ничего против этих встреч. Если Нина не задерживалась на работе, вечера ее проходили в одиночестве, и жизнь ее в целом можно было назвать скучноватой и однообразной. Однако сама Нина так не считала, даже не замечая, как быстро летит время. Про Кирилла же она думала, что он не в силах изменить самого себя, как бы ни старался. Да он и не хотел меняться, а она больше не собиралась угождать ему, держалась с ним ровно. Нинина подруга Пульсатилла про эти визиты знала, но не очень-то их одобряла: «Тебе нужен молодой любовник! Что ты сидишь все одна да одна? Как только с тоски не помрешь? А Кирилл... На безрыбье, конечно, и рак рыба, но...»

«Мне и без него не скучно», — отвечала Нина, но сама перед собой могла бы сознаться, что принимала бывшего мужа потому, что его визиты больше тешили ее самолюбие, чем развлекали.

«Значит, я была не такой уж плохой женой, если он нуждается во мне», — говорила она себе. Эти мысли придавали ей еще больше уверенности в своих силах, но вместе с тем она твердо знала — назад у Кирилла дороги нет. Нина прекрасно помнила, как этот человек буквально отнял у нее тринадцать лет жизни.

Она прижала телефонную трубку плечом, намазала маслом еще один тост, налила еще чашку кофе

и подумала, что, когда жила с Кириллом, у нее почти никогда не было аппетита. Это воспоминание вызвало лишь улыбку, и, с хрустом откусив большой кусок тоста, Нина сказала:

— Ну хочешь — приходи. Думаю, что буду дома после восьми.

Кирилл удовлетворенно хмыкнул в ответ:

— Значит, до вечера!

Нина пожалала плечами, положила трубку на стол и с удовольствием допила кофе.

Тане-Пульсатилле звонила по мобильному телефону старшая дочь. После ночного разговора с матерью она выскочила из дома ни свет ни заря и куда-то умчалась. Теперь Вика говорила с матерью якобы уже из института.

— Мама, я не приду сегодня ночевать, потому что Миша приглашает меня к себе на вечеринку, а живет за городом — ты же знаешь...

Пульсатилла вскинулась так, что пролила полчашки горячего чая на цветастый халат.

— Вика, не выдумывай! — закричала она в трубку. — О чем мы говорили с тобой сегодня ночью? Что значит — он приглашает тебя к себе? А где будут его родители? Они что, уехали куда-нибудь?

— Никуда не уехали. Он как раз меня с ними обещал познакомить.

— Познакомит — и пусть проводит тебя домой. Не надо оставаться у парня ночевать при его родителях. Тебе это может повредить! Ты ведь не хочешь, чтобы тебя приняли за какую-то проститутку? — Пульсатилла, как большинство российских,

а когда-то и советских мам, говоря слово «проститутка», имела в виду девушку свободных взглядов, что никогда бы не пришло в голову, скажем, французской, итальянской или египетской маме. Слово «проститутка» для них означает неприятную и трудную профессию — и больше ничего, без всяких российских домыслов и добавлений.

В ответ Вика ершисто заметила:

— А если бы Мишиных родителей не было дома, ты разрешила бы мне остаться с ним?

— Это уж ваше дело, — сухо ответила Пульсатилла.

Вике только того и надо было.

— Ханжество, мамочка, один из самых противных пороков человечества! — произнесла она, переполненная чувством собственного достоинства. — Кроме того, если Миша проводит меня домой, где он у нас будет ночевать? В одной комнате спишь ты, а в другой — мы с Катей. На электричке возвращаться домой ему будет поздно. Ты ведь не хочешь, чтобы на него напали какие-нибудь пьяные хулиганы?

Пульсатилла, конечно же, не хотела, чтобы парень ее дочери попал в лапы ужасным хулиганам.

— Хорошо! — решительным тоном сказала она. — Если Миша придет к нам, я пойду ночевать к Нине. Я у нее уже давно не была. Катя пусть спит в вашей комнате, а вы с Мишей на сегодняшнюю ночь можете занять мой диван. Но оставаться у него ты не смей! Ты поняла меня, Вика?

Вика, гордясь собой, ответила, что понимает теперь, почему многие мужчины с пренебрежением

высказываются насчет женской логики, и отключила связь.

«Мама, как всегда, в своем педагогическом репертуаре!» — подумала девушка и улыбнулась, будто ей в голову пришла какая-то оригинальная шутка.

Пульсатилла, вовсе не уверенная, что ее слова дошли до Викиного сознания, ужасно расстроенная, стала будить младшую дочку Катю, чтобы та не опоздала в школу, а Вика, немного подумав, снова вытащила телефон.

— Миша! — нежным голосом пропела она. — Все решено. Я могу сегодня поехать к тебе! — С довольным выражением лица она выслушала ответ и чмокнула в воздух: — Целую! До вечера!

Лизе утром позвонила Татьяна Михайловна, заведующая отделом редакции глянцевого журнала.

— Необходимо узнать прогноз аналитиков по поводу повышения цен, инфляции, стагнации и тому подобного на зимний период, — сказала она. — Поедешь в одну довольно солидную контору, надо навести там мосты. Если их мнение окажется верным, станем с ними контактировать. Лучше, если ты будешь там говорить с женщиной, так как журнал у нас ориентирован преимущественно на деловых дам. Таким образом мы убили бы сразу двух зайцев: и прогноз бы получили, и познакомили бы читательниц с очередной бизнесвумен. Вытани у нее сведения о личной жизни: сколько лет, где училась, как в семье и так далее. В общем, ты девочка умненькая, сама понимаешь.

Лиза была не в восторге от этого поручения.